

Одни из самых ценных экспонатов выставки — налокотники — часть доспеха самурая, сделанные из материала с трафаретным рисунком и накладных металлических щитков — пластинок. Датированные периодом Камакура (XII—XIV вв.) они были самыми древними в коллекции. Японские исследователи предполагают, что искусство трафарета, о котором упоминается в материалах времени Нара (VI—VIII вв.), первоначально удовлетворявшее вкусы самурайских семей, в период Муромати (XIV—XVI вв.) стало популярно в народе, так как позволяло развернуть массовое изготовление художественно окрашенных тканей³.

Старейшими центрами изготовления трафаретов и изделий, созданных с их помощью, были города Киото и Судзука. Считается, что в Судзука, расположенном в заливе Исэ, изготовление трафаретов на рисовой бумаге началось несколько раньше, чем в Киото. В отличие от киотских мастеров, изготавливавших и окрашивавших ткани с помощью трафаретов (при этом трафаретчики и красильщики работали и жили вместе), мастера в Исэ только вырезали трафареты, а купцы, поддерживаемые феодалами и специально созданными для этих целей акционерными обществами, широко торговали ими по всей Японии. Расцвета искусство трафарета в Исэ достигло в период Эдо, когда к власти на всей территории Японии пришел клан Токугава. Являясь своеобразным выражением духа времени, этот способ украшения тканей развивался постепенно в особый вид искусства. Мужская и женская национальная одежда, как праздничная, так и повседневная (разнообразные типы кимоно: *косоде*, *нагасоде*, *фури-соде* и др.), представленные на выставке, убедительно свидетельствуют об этом.

³ Н. Сугихара, Музей Сантори. Трафарет Эдо, Токио, 1975 (на япон. яз.).

Н. М. Калашникова

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

В июле 1975 г. в Белоруссии, в Восточном Полесье, продолжила работу этнолингвистическая экспедиция, организованная Институтом славяноведения и балканистики АН СССР совместно с филологическими факультетами Московского, Ленинградского и Гомельского университетов¹. В ней участвовали научные сотрудники, преподаватели, аспиранты, студенты — всего 29 человек. Руководил экспедицией Н. И. Толстой.

Работа велась четырьмя группами: две работали в Мозырском Полесье (дер. Жаховичи и Стрыгалово Мозырского р-на Гомельской обл., дер. Кочище Ельского р-на Гомельской обл.) и две — в Речицком Полесье (дер. Новинки и Золотуха Калинковичского р-на Гомельской обл., дер. Дубровица и Великий Бор Хойницкого р-на Гомельской обл.). Кроме того, участники экспедиции совершали походы в окрестные села, где также была получена ценная информация.

Перед экспедицией стояли следующие задачи: 1) проверка программ, составленных после полевых работ прошлого года; 2) сбор текстов; 3) уточнение вопросов краткой программы для предполагаемого

в будущем атласа духовной культуры полешуков Полесья.

Участники экспедиции располагали следующими тематическими вопросниками (в скобках указаны их авторы): по календарным обрядам — Егорьевская весенняя обрядность (А. Ф. Журавлев), Купальская обрядность (С. М. Толстая), жатвенная обрядность (О. А. Терновская), святки (Е. Евтушенко); по семейным обрядам — свадебный (А. В. Гура), родинный и крестинный (Р. А. Агеева, С. М. Толстая), погребальный (О. А. Седакова); по строительству, планировке и интерьеру жилища (Т. А. Тюрина), по животноводству (И. В. Хазанова), растительному миру (Д. А. Бейлина) и т. д.

Кроме того, некоторые члены экспедиции работали по программам, касающимся более частных вопросов этнографии: вода в обрядах и поверьях (Р. А. Агеева), метеорологические представления (Т. М. Судник), обряд вызывания дождя во время засухи (С. М. Толстая, Н. И. Толстой), обряды, связанные с прядением и ткачеством (Н. Г. Владимирская), демонология (А. Б. Страхов, Е. А. Соловьева). Было записано много быличек, заговоров. Фольклорист Ю. И. Смирнов записал более 200 текстов, песенных и прозаических, зафиксировал 64 эпических сюжета, которые

¹ Отчет о прошлогодней экспедиции см. «Сов. этнография», 1975, № 2.

можно считать общеславянскими. Л. Н. Виноградова собрала большой материал по колядным и другим обрядовым песням. Часть материалов записана на магнитofонную ленту.

Отмечена достаточно высокая сохранность некоторых традиционных обрядов, например, свадебного (дер. Кочище), проводов русалки (дер. Великий Бор), часть обычаев, ушедших из быта, хорошо запечатлелась в памяти полешуков старшего и среднего поколений.

Проведенные исследования обнаружили этнографическую неоднородность Полесья, причем выявились различия не только между Западным и Восточным Полесьем, но и внутри Восточного Полесья — между Речицким и Мозырским.

В Гомеле, перед выездом в поле, работал двухдневный семинар, на котором обсуждались программы и практические вопросы, связанные с обработкой фиксируемого материала.

Д. А. Бейлина

* * *

Летом 1975 г. кафедра русской литературы Горьковского государственного университета продолжала изучать фольклорную традицию в северных районах Горьковской области, примыкающих к Поветлужью. С 4 по 18 июля группа студентов (18 человек) под руководством К. Е. Кореповой работала в Шахунском районе. На территории нынешнего Шахунского района, который начал заселяться русскими в конце XVII в., столкнулись три переселенческих потока: с запада, с берегов Ветлуги, пришли «ветлуган»; с юга и юго-запада — «уренцы», старообрядческое население из-под Уреня; с севера и с востока — «вятичи»: «юмаки» (выходцы из Юмской волости Глазовского уезда) и «кукары» (выходцы из слободы Кукарки Вятской губ.). Потомки переселенцев до сих пор сохранили отличия в говоре и в материальной культуре (например, в постройке жилого дома, планировке двора).

Изучение фольклорной традиции в этом районе показало, что репертуар необрядовых жанров в целом един у всех трех групп населения, но в обрядах и обрядовом фольклоре каждая группа сохранила свою специфику. Так, только среди переселенцев из Вятки бытовали подблюдные, или, по местной терминологии, «илейные»,

песни. Члены экспедиции в 6 населенных пунктах записали от «вятичей» 40 текстов подблюдных песен (34 сюжета), а также их напевы. Только у «вятичей» были зарегистрированы календарные обряды, связанные с уборкой урожая: обычай выставлять первый сноп Стриге, дожиночные обряды, а также обряды, связанные с первым выгоном скота, и формулы-заклипания, обращенные к Егорию.

Традиция причитать на свадьбе и на похоронах была широко распространена у всех трех групп населения. Похоронные причитания в живом бытовании сохранились здесь до сих пор. Свадебные причитания, как и всюду, ушли из быта еще в 30-е годы, но почти каждая женщина старше 60 лет помнит причитания, относящиеся к различным моментам свадебного обряда. Набор традиционных общих мест в причитаниях ветлугаев, «вятичей» и уренцев один, но напев причитаний у них разный. Различия в свадебном обряде экспедицией не были выявлены. Работа в этом направлении будет продолжена в следующем году.

Всего экспедиция обследовала 36 населенных пунктов Верховского, Хмелевицкого, Больше-Широковского, Черновского и Мартяхинского сельсоветов и записала 2893 текста (включая варианты), в том числе 1977 частушек. Они записаны в основном от людей среднего и пожилого возраста, а потому отражают репертуар довоенный, времен Великой Отечественной войны и послевоенный. Молодежь исполняет частушки неохотно, считая их исполнение признаком недостаточно высокой культуры. В материалах экспедиции 430 текстов песен (подблюдных, святошных — игровых, исполняемых на святочных «беседках», свадебных, хороводных, плясовых, лирических о любви и семейной жизни, литературных, романсов). Репертуар свадебных и хороводных песен значительно уже, чем в Поветлужье. Баллада, как и в районах Поветлужья, представлена сюжетами: «Сестра и братья-разбойники», «Муж жену губил», «Жена мужа повесила», «Жена мужа зарезала», «Ванька-ключник», а также рядом новейших баллад. Историческая песня встретила только одна — «Мать встречает дочь в татарском плену».

Экспедицией записано 19 сказок, 30 преданий, несколько быличек и устных рассказов-воспоминаний — всего 54 произведения устной прозы. Местный сказочный

репертуар тот же, что и в Поветлужье, популярны сюжеты *61 II, *154 I, *161, *162, 170, *171, 327С, 450, 480*В, 670, 780, 955 по системе Аарне — Андреева. Сказочная традиция в районе затухает. Сказочников с большим репертуаром (более 10 сказок) не выявлено. Предания помнят хорошо, особенно пожилые мужчины. Преобладают предания о разбойниках, топонимические предания, связанные с природными условиями, о первопоселенцах, предания-былички о кладах.

Записано 130 произведений малых жанров (пословицы, поговорки, загадки), 89 текстов детского фольклора; сделаны описания свадебных календарных обрядов, гаданий (28). Записано 61 причитание (45 свадебных, 13 похоронных, 3 бытовых). Напевы ряда произведений зафиксированы на магнитофонной ленте. Все материалы хранятся в фольклорном архиве кафедры русской литературы Горьковского государственного университета.

К. Е. Корепова

* * *

С 30 июня по 20 августа 1975 г. в зоне строительства Томского нефтехимического комплекса работал этнографический отряд Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева. В задачи отряда входил сбор этнографического материала среди русского населения деревень, расположенных в зоне строительства и примыкающих к ней. В составе отряда под руководством П. Е. Бардиной работали студенты II курса исторического факультета Томского государственного университета.

В ходе работы было обследовано восемь населенных пунктов: села Кузовлево, Копылово, деревни Кудрово, Киргизка, Конино, Реженка, Постниково, пос. Штамово Томского района Томской области. Почти все они, за исключением пос. Штамово, — старые русские селения, основанные в XVII—XVIII вв. Эти деревни, как правило, невелики по размерам и расположены недалеко от города. Их близость к городу во многом определила направление развития хозяйства и занятий населения. В прошлом здесь заготавливали дрова для города и сырье для спичечной фабрики, выращивали овощи на продажу.

Этнографический материал собирался по программам и вопросам, разработанным для русского населения. Наиболее полные сведения получены по теме «Жилище и хозяйственные постройки русского населения конца XIX — первой половины XX в.». Изучены строительные приемы, материалы, из которых сооружены жилища, выделены основные типы планировок, прослежены изменения традиционной внутренней планировки жилищ в указанный период и сохранение ее некоторых черт до настоящего времени. Жилищ, построенных ранее XIX в., в обследуемом районе не обнаружено.

Во время экспедиции собирались сведения и по другим разделам материальной культуры: одежде, пище, утвари; а также о занятиях и хозяйстве русского населения в прошлом и настоящем; о национальном составе и истории селений. Но собранный материал не позволяет полностью охарактеризовать традиционные виды одежды, пищи и утвари, что объясняется плохой его сохранностью в связи с влиянием города. Для получения сведений о национальном составе населения, времени постройки домов и хозяйственных помещений, были использованы данные похозяйственных книг сельских советов.

Участники экспедиции сделали описания и рисунки жилищ, предметов утвари, некоторых видов одежды, а также чертежи кроя. Зарисованы орнаменты наличников и карнизов домов, русские печи, способы соединения бревен в заплах и покрытия крыш тесом и др. Большинство исследуемых объектов заснято на фотопленку. Кроме того, составлено около 50 планов усадеб и внутренней планировки жилищ.

Все материалы сданы на хранение в Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева.

П. Е. Бардина

* * *

В июле — августе 1975 г., работая в составе Среднеазиатской экспедиции Института этнографии АН СССР (начальник экспедиции — Б. Х. Кармышева), я вел полевые исследования в Меркенском, Чуйском и Мойынкумском районах Джамбульской области Казахской ССР.

Одной из главных задач экспедиции был сбор полевых материалов для Историко-

этнографического атласа Средней Азии и Казахстана по теме «Основные типы скотоводческого хозяйства у казахов конца XIX—начала XX в.», а также по другим темам атласа, связанным со скотоводством и с земледелием. Наряду с этим велись полевые исследования по проблеме общественных отношений у казахов во второй половине XIX—начале XX в. и собирался материал по современности, главным образом по духовной культуре казахского народа.

Собранный во время полевых работ материал свидетельствует о том, что в северной части области (Мойынкумский район) с песчаными почвами казахи в конце XIX—начале XX в. занимались главным образом кочевым скотоводством (исключение составляла лишь узкая прибрежная полоса вдоль реки Чу, где было возможно земледелие). Для скотоводческих хозяйств кочевого типа было характерно круглогодичное содержание скота на подножном корму. Зимой казахи-кочевники пасли скот в песках Мойынкум, где не было снега. На лето кочевые хозяйства уходили со стадами далеко на север, пересекая безводную пустыню Бетпак-Дала. Их летние пастбища находились в просторных степях северного Казахстана, богатых травой и источниками.

У казахов южных районов (Меркенский

и Чуйский) области издавна преобладали хозяйства полукочевого типа. Для них было характерно сочетание скотоводства и орошаемого земледелия, которое стало возможным здесь благодаря наличию достаточного количества водных ресурсов (реки Чу и Талас, горные речки и ручейки, стекающие с северных склонов Киргизского Алатау). В этих районах бытовали также хозяйства оседлого типа, в основном с орошаемым земледелием.

Даже беглый анализ полевых материалов убедительно показывает, что общественные отношения у казахов в значительной степени связаны с типом хозяйства (кочевое, полукочевое, оседлое). Для казахов-кочевников второй половины XIX—начала XX в. была характерна кочевая община, основанная на семейно-родственных отношениях. У полукочевых казахов, занимавшихся земледелием, наряду с семейно-родственными связями появились черты, свойственные соседской общине, а у оседлых хозяйств соседские связи становились господствующими.

Отметим также, что во время экспедиции нам удалось записать легенду о происхождении Чингисхана, почти во всех деталях сходную с аналогичной легендой, записанной в свое время Г. Н. Потаниным.

В. П. Курылев